

ИМАГОЛОГИЯ

УДК 027.1: 097 (571.16)
DOI: 10.17223/24099554/6/1

И.А. Поплавская

ПЕЧАТНЫЕ И РУКОПИСНЫЕ ТРАВЕЛОГИ В КНИЖНОМ СОБРАНИИ БАРОНА А.С. СТРОГАНОВА¹

В статье рассматриваются печатные и рукописные травелогии из коллекции барона А.С. Строганова, входящей в родовую библиотеку Строгановых. Предметом изучения становятся «ученое» путешествие аббата Бартелеми «Voyage en Italy», автобиографическое путешествие-хроника Шатобриана «Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris», рукописный семейный дневник-путешествие на французском языке баронессы Н.М. Строгановой, посвященный ее пребыванию в странах Западной Европы в 1780–1782 гг. Данные травелоги анализируются в связи с поэтикой «итальянского» текста и текста о Святой земле, формирующихся во французской литературе XVIII – начала XIX в., с осмыслением образа семьи как структурно-семантического центра семейного путешествия. Ключевые слова: травелог, локальный текст, Ж.Ж. Бартелеми, Ф.Р. де Шатобриан, баронесса Н.М. Строганова, книжное собрание, барон А.С. Строганов.

В научной библиотеке Томского университета хранится книжное собрание графа Григория Александровича Строганова (1770–1857), представителя одной из ветвей аристократического рода Строгановых, русского посланника в Испании (1805–1809), Швеции (1812–1816), Турции (1816–1821), возглавлявшего русскую делегацию на коронации английской королевы Виктории в 1838 г. Родовая библиотека графа Г.А. Строганова была подарена его сыновьями основанному в 1879 г. Сибирскому университету. В настоящее время книжное собрание Строгановых в Томске насчитывает около 24 000 томов и рукописных источников.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-14-70002 а(р) «Рукописное наследие в книжном собрании Строгановых».

В библиотеке Г.А. Строганова имеются книги и других представителей рода Строгановых. Так, своеобразной малой библиотекой в родовой библиотеке графа Строганова стали книги, принадлежащие семье его родного дяди, барона Сергея Николаевича Строганова (1738–1771), его жены Натальи Михайловны (1745–1819) и их сына Александра Сергеевича (1771–1815) (подробнее о бароне С.Н. Строганове и его семье см.: [1. С. 85]). Книги баронов Строгановых отражены в рукописном каталоге Александра Сергеевича «Catalogue des livres de la Bibliothique de Monsieur le baron Al. Strogonoff. SPb., 1814» [2. С. 10–12]. Они распределены по двенадцати разделам: «Собрания сочинений», «Словари», «Богословие», «История», «Путешествия», «Искусства и науки», «Философия и мораль», «Литература», «Театр», «Поэзия», «Смесь», «Романы». Наибольшее количество книг представлено в разделах «Романы» – 372, «Смесь» – 198, «История» – 180, «Путешествия» – 127, «Искусства и науки» – 119. Эта роспись свидетельствует о круге чтения барона А.С. Строганова и его семьи и отражает культурные интересы русской аристократии конца XVIII – начала XIX в. (о книгах баронов Строгановых в составе родовой библиотеки графа Г.А. Строганова см.: [3]). В каталоге очевидно преобладание художественной литературы на французском языке, а также путешествий, книг по истории и искусству.

Среди печатных произведений в разделе «Путешествия» встречаются книги известного французского археолога и писателя Ж.Ж. Бартеlemi (1716–1795), автора знаменитого романа «Voyage de jeune Anacharsis en Grece» («Путешествие молодого Анахарсиса по Греции») (1788) и «Voyage en Italy» («Путешествие в Италию») (1801); сочинение Ф.Р. де Шатобриана (1768–1848) «Itinéraire de Paris a Jérusalem et de Jérusalem a Paris» («Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж») (1811); несколько романов С.Ф.Д. де Сент-Обен, графини де Жанлис (1746–1830), в их числе «Le Voyageur» («Путешественник») (1800); книга баварского посланника в России и Париже, графа Ф.Г. де Брэ (1765–1832) «Voyage aux Salines de Salzbourg et de Reichenhall» («Путешествие в соляные копи Зальцбурга и Ранхейхалля») (1807) (автор установлен по указателю [4. С. 1062]); произведение итальянского историка и писателя Винченцо Куоко (1770–1823) «Voyage de Platon en Italy» («Путешествие Платона в Италии») (1807), автора «Опыта истории Неаполитанской революции 1799 года» (1801); книга писателя и дипломата Г.Т. Фабера (1766–1847) «Bagatelles. Promenades d'un

désœuvrî dans la ville de St.-Pétersbourg» («Безделки. Прогулки праздного человека в Санкт-Петербурге») (1811), автора сочинения «Observations sur l'armée française des derniers temps» (1808), переведенного на русский язык под названием «Замечания о французском войске последнего времени, начиная с 1792 по 1808 год» и др. Рассмотрим некоторые из них.

Несколько фрагментов из книги аббата Бартелеми «Voyage en Italy» первоначально были напечатаны в третьем томе его «Oeuvres Diverses» («Различные сочинения»), изданных в Париже в 1798 г. Отдельное издание этого произведения вышло в 1801 г. Спустя два года оно было переведено на русский язык [5. С. 97]. В библиотеке баронов Строгановых имеется второе издание этой книги [6]. Произведение Бартелеми относится к типу «ученого» путешествия. Непосредственным поводом для поездки его автора в Италию послужило желание Людовика XV пополнить королевскую коллекцию кабинета медалей. Бартелеми пишет об этом: «Король приказал мне путешествовать по Италии для рассмотрения медалей, не находящихся в его кабинете, – и я отправился августа 1755 года» [7. С. 361–362]. Это произведение включает 49 писем Бартелеми, адресованных известному французскому археологу, граверу, искусствоведу А.К.Ф де Леви, графу де Кейлюсу (1692–1765). Первое из них было отправлено с берегов Роны 19 августа 1755 г., последнее – 6 апреля 1757 г. из Рима. Впечатления Бартелеми впоследствии легли в основу его книги «Voyage en Italy», которая представляет собой неоценимый источник по истории классической археологии и культуре Древнего Рима [8. С. 17].

Особенность данного путешествия видится в том, что в нем формируются важнейшие элементы поэтики «итальянского» текста во французской литературе второй половины XVIII в. Основу этого текста составляют топографические и локальные образы, как, например, города Рим, Флоренция, Неаполь, а также Капитолий, Колизей, колонна Траяна в Риме или Неаполитанский залив, описанные ученым аббатом. Так, в письме от 20 декабря 1755 г. из Неаполя Бартелеми изображает Неаполитанский залив и остров Капри, увиденные из окна дома графа Гацолла: «Из столовой видели мы перед собою море и остров Каприю, который виден на расстоянии десяти миль; по правую руку Посилипп и богатые домики, а по левую Везувий, Геркулан, Помпею и всю сию страну, примыкающую к Капри. Я никогда не видал прекраснее сего зрелища» [7. С. 66–67]. Непо-

литанский залив воспринимается здесь как своего рода живая театральная декорация, увиденная из «партера» – Неаполя. Не случайно при описании автор выбирает статичную точку зрения, которая последовательно фиксирует виды, расположенные по центру, справа и слева. Одновременно этот вид воспринимается и как живописное полотно, обрамленное «естественной» рамой – окнами столовой в доме. Такая театрально-живописная точка зрения на описываемый объект, его двойная эстетизация составляют особенность «ученого» травелога аббата Бартеlemi.

В нем очень значимым оказывается «археологический» пласт. Научные интересы автора, связанные с изучением древних манускриптов, а также произведений искусства, относящихся к эпохе Республики и Империи, позволили ему воссоздать своего рода «текст в тексте» – вычленив и реконструировать объекты Древнего Рима, которые присутствуют в качестве узнаваемых словесных и визуальных артефактов в культуре современной ему Италии. Например, в письме от 2 февраля 1756 г. Бартеlemi описывает древности Геркуланума и его окрестностей, хранящиеся в Портичи: «Восемьсот манускриптов, около восьмисот штук живописи, более трехсот пятидесяти статуй, бюстов, около тысячи сосудов разного вида, сорок больших подсвечников – вот кабинет Портичи» [7. С. 89–90]. Здесь же автор говорит и о печатном каталоге прелата Баярди из Неаполя, в котором дано «полное описание каждому монументу» [7. С. 101]. Упоминание древних рукописей, каталогов, научных трудов, включение в текст путешествия многочисленных архитектурных и живописных экфрасисов образуют основу «археологического» дискурса в «итальянском» тексте Бартеlemi в качестве его важнейшей эстетической составляющей.

Еще одна особенность «итальянского» текста автора видится в часто акцентируемой им «французской» точке зрения, которая касается и восприятия памятников культуры Древнего Рима, и состояния просвещения в Италии, и изображения национального характера итальянцев. Так, например, описывая знаменитые мавзолеи Цецилии Метеллы, консула Планка в Гаэте, семейства Плавтиев в Тиволи, он говорит: «Римляне поставляли гробницы на больших дорогах, ведущих в Рим. Наша нежность не снесла бы такового обыкновения. Римляне желали непрестанно пребывать в памяти потомства и принудить своих наследников бдеть над сохранением сих монументов, непрестанно представляющихся их взору» [7. С. 385]. Такое своего

рода «визуальное» восприятие истории, стремление запечатлеть имя и событие в объектах архитектуры, передать ощущение непрерывности времени через произведения искусства – в этом, по мнению автора, видится особое эстетическое отношение к истории, свойственное современным итальянцам. И далее Бартеlemi стремится показать связь между преобладающим в сознании итальянцев преимущественно эстетическим отношением к миру и характером просвещения в этой стране: «В сей земле нередко находим людей с пылким воображением, с умом пронизательным, способным к глубокомыслию, к великим предприятиям и не способных оставить их, когда они размыслили и твердо решились. Сим выгодам и свойствам Италия обязана была тем богатством наук и талантов, которое в несколько лет возвело ее, в сравнении с другими землями, на степень удивительного просвещения» [7. С. 437].

В основе «итальянского» текста аббата Бартеlemi лежит многомерное восприятие современной личности, раскрывающейся в ее многообразных связях с миром. «Конструирование» собственной личности в процессе путешествия становится той эстетической доминантой, которая придает внешнюю и внутреннюю завершенность тексту. В письме от 5 ноября 1755 г. из Рима автор сообщает о себе: «Я бы желал разделиться на четыре части: на одну для рассмотрения; на другую для размышления, на третью для писания и на четвертую для отправления моих должностей» [7. С. 42–43]. Представленная здесь рефлексия автора-путешественника формирует в сознании читателя его целостный облик и обуславливает взаимодействие «научной» и автобиографической сюжетных линий в произведении.

Реальное путешествие аббата Бартеlemi в Италию, совершенное им в 1755–1757 гг. вместе с герцогом Э.Ф. де Шуазёлем (1719–1785), французским посланником в Риме, ставшим впоследствии министром иностранных дел Франции [9], его переписка с графом де Кейлюсом, научные и деловые контакты с французскими и итальянскими учеными и коллекционерами легли в основу путешествия, которое полностью было издано во Франции уже после смерти автора. Отрывки из него в переводе на русский язык впервые были опубликованы в журнале Н.М. Карамзина «Вестник Европы» в 1802 г. В журнальной статье реальное путешествие Бартеlemi в Италию рассматривается как своего рода претекст его романа «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции». «Всего любопытнее видеть в сей книге, – пишет переводчик, – первую идею великого творения, кото-

рое прославило Бартелеми: идею Анахарсиса» [10. С. 108]. И далее анонимный автор сообщает о первоначальных планах Бартелеми написать роман о путешествии по Италии в XV в., в эпоху папы Льва X (1475–1521), француза, происходившего из семьи Медичи. Этот план, составленный самим Бартелеми, должен был включать в себя встречи французского путешественника с А. да Корреджо (1489–1534) в Парме, с писателем, автором знаменитого трактата «О придворном» Б. Кастильоне (1478–1529) в Мантуе, с известным ученым Д. Фракасторо (1478–1553) в Вероне, с Л. Ариосто (1474–1533) в Ферраре. В плане будущего романа особое место должны были занимать римские главы. В Риме путешествующий француз «видит Микель-Анджело, сводящего купол Святого Петра; Рафаэля, расписывающего Ватиканскую галерею <...> Триссино, отдающего на театре Софонизбу, первую трагедию, сочиненную после древних; Бериольда, Ватиканского библиотекаря, занятого изданием Тацитовых летописей» [10. С. 110]. Однако затем на смену этому замыслу приходит другой – описать «путешествие по Греции, около Филиппова времени», позволяющее «заклЮчить в малом пространстве все любопытное Греческой истории <...> я обрадовался сей мысли, долго занимался планом и начал работать в 1757 году, по возвращении моем из Италии» [10. С. 118].

Итак, итальянское путешествие аббата Бартелеми послужило основой для возникновения замысла романа о путешествии некоего француза по Италии в эпоху Медичи. План этого романа прочитывается как своего рода энциклопедия итальянской культуры эпохи Возрождения. Однако затем автор отказывается от этой идеи и обращается к написанию романа на материале Древней Греции, действие которого происходит в период правления Филиппа II (382–336 гг. до н.э.), отца Александра Македонского. Героем романа становится молодой скиф Анахарсис, который прибыл в Грецию из Таврии для знакомства с ее наукой и культурой. Написанное в жанре «вымышленного путешествия», это произведение позволило автору не только создать «воображаемый» образ Древней Греции, сформулировать комплекс идей современного просвещения, но и представить аллегорическую интерпретацию истории и свое присутствие в ней [11. С. 111]. Важно отметить, что образ «молодого скифа» из романа Бартелеми во многом выполняет жанрообразующую функцию в «педагогическом» романе-путешествии, он соотносится и с особой «точкой зрения» автора в осмыслении имагологических

аспектов путешествия. Также этот образ обладает и текстопорождающими стратегиями. Так, например, в «Письмах русского путешественника» Карамзин описывает свою встречу с аббатом Бартеlemi как аллегорическую встречу молодого скифа К* с современным Платоном. В письме из Парижа от мая 1790 г. Карамзин сообщает: «Нынешний день молодой скиф К*, в Академии Надписей и Словесности, имел щастие узнать Бартеlemi-Платона. Меня обещали с ним познакомиться; но как скоро я увидел его, то, следуя первому движению, подошел и сказал ему: «Я Руской; читал Анахарсиса; умею восхищаться творением великих, бессмертных талантов». <...> Он встал с кресел, взял мою руку <...> и наконец отвечал: *я рад вашему знакомству; люблю север, и герой, мною избранный, вам не чужой*». – «Мне хотелось бы иметь с ним какое-нибудь сходство. Я в Академии: Платон передо мною; но имя мое не так известно, как имя Анахарсиса» [12. С. 251].

Этот фрагмент построен по принципу интертекстуальных соответствий, раскрывающих процесс живого диалога русского путешественника с одним из представителей западноевропейской научной и культурной мысли конца XVIII в. «Наложение» образной структуры письма Карамзина на роман Бартеlemi позволяет прочитать данный отрывок как палимпсест, в котором образ Анахарсиса приобретает одновременно и архетипические, и автобиографические, и автотекстуальные черты. «Voyage en Italy» аббата Бартеlemi воспринимается во многом как «итоговый» текст автора. Публикация же многочисленных фрагментов из путешествия по Италии в собрании сочинений писателя, а затем выход в свет отдельной книги и переводов из нее на русский язык рассматриваются как значимые факты культурной жизни Франции и России второй половины XVIII – начала XIX в.

Появление книги Бартеlemi «Voyage en Italy» в библиотеке барона А.С. Строганова позволяет выдвинуть предположение о возможном личном знакомстве с автором его матери Н.М. Строгановой во время ее пребывания в Париже в 1780–1782 гг. Так, в рукописном дневнике баронессы имеется запись о посещении ею 26 января 1781 г. заседания во Французской академии, на котором Ж. Делиль (1738–1813) читал одну из песен своей поэмы «Сады». Н.М. Строганова пишет, что это заседание «было замечательно по количеству присутствовавших лиц, которых оно привлекло, и продолжалось от 11 до 6 часов» [13. С. 37]. Известно, что Бартеlemi в 1766 г. был из-

бран членом французской Академии надписей и изящной словесности, а в 1789 г. стал постоянным членом Французской академии. Также книга Бартеlemi могла быть использована бароном А.С. Строгановым во время его путешествия по Италии в 1808–1809 гг. и при написании его «Lettres a ses amis» («Письма своим друзьям»), в которых содержатся впечатления о Риме, Неаполе, Венеции и других городах [14. С. 197].

Как видим, в «ученом» путешествии аббата Бартеlemi формируются основные принципы поэтики «итальянского» текста во французской литературе второй половины XVIII в. Для этого текста характерны двойная эстетизация изображаемых объектов с одновременным описанием их научной ценности, конструирование собственной личности как отражения «археологических» и литературных интересов автора, раскрытие национальных особенностей мироощущения итальянцев в сравнении их с французами. Русская рецепция этого путешествия проецируется на роман писателя «Путешествие молодого Анахарсиса по Греции» и прочитывается во многом как палимпсест.

Обратимся теперь к другому печатному травелогу из собрания барона А.С. Строганова – это «Itinéraire de Paris a Jérusalem et de Jérusalem a Paris, en allant par la Grice et revenant par l'Égypte, la Barbarie et l'Espagne» («Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж через Грецию и обратно через Египет, Варварию и Испанию») Ф.Р. де Шатобриана. Данное произведение впервые было издано в Париже в 1811 г. В коллекции барона А.С. Строганова имеется второе издание этих записок, опубликованное в том же 1811 г. [15]. Впервые на русский язык записки Шатобриана были переведены П.И. Шаликовым и изданы в Москве в 1815–1816 гг. [16]. Другой перевод был выполнен священником Иоанном Грацианским и вышел из печати в 1815–1817 гг. в Санкт-Петербурге [17].

Известно, что писатель посетил Иерусалим в октябре 1806 г. Путешествие в Палестину было предпринято Шатобрианом в тот момент, когда он работал над романом «Мученики, или Торжество христианства», вышедшим в 1809 г. В предисловии к первому изданию путешествия автор пишет, что считает его не столько путешествием, сколько описанием одного года жизни [16. Ч. 1. С. VI]. Можно сказать, что перед нами автобиографическое путешествие-хроника, в котором описания отдельных стран соединяются с философией пути и эстетикой жизнелюбия писателя. В нем самостроение лично-

сти воспринимается как условие дальнейшего творческого развития, а творчество, в свою очередь, является мощным стимулом к самосозиданию [18. С. 134]. При рассмотрении этой книги выделим в ней описание Святой земли как особого локального текста, формирующегося во французской литературе в первом десятилетии XIX в.

Личные впечатления автора от Святого города, соединенные с религиозной и литературной рефлексией, составляют основу этого локального текста в творчестве французского писателя.

Например, свою первую встречу с городом он описывает так: «Я остановился, устремив взоры на Иерусалим, измеряя высоту стен его, приемля вдруг все воспоминания деесписания, от Авраама до Готфрида Бульонского, размышляя о целом мире, переобразованном посланием Сына человеческого, и тщетно ища храм сей, коего не осталось *камня на камне*. Ежели я тысячу лет проживу, то не забуду пустыню сию, кажется, еще дышащую величием Иеговы и устрашениями смерти» [16. Ч. 2. С. 140–141]. В данном отрывке визуальное восприятие современного Иерусалима соединяется со Священным преданием о приношении Авраамом Исаака в жертву Богу на Храмовой горе. Образ Святого города возникает здесь на пересечении Священного предания и Священного Писания, соединенных с историческими источниками и эпическими произведениями, посвященными описанию крестовых походов и личности Готфрида Бульонского (ок. 1060–1100), первого правителя Иерусалимского королевства. К ним, в частности, относится цикл эпических поэм «Отрочество Готфрида», «Взятие Акры», «Смерть Готфрида». Разрушение первого и второго иерусалимских храмов и падение Иерусалима воспринимаются здесь как проявление праведного суда Божьего, как символ Богооставленности народа Израиля, что передается через образы пустыни и смерти.

Также этот отрывок включает в себя скрытую цитату из пророчества Иисуса о судьбе иерусалимского храма из Евангелия от Матфея: «И выйдя, Иисус шел от храма; и приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания храма. Иисус же сказал им: видите ли всё это? Истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне; всё будет разрушено» (24: 1–2). Воссозданный в этом отрывке мифологический образ Святого города получает эстетическое завершение через субъективно-рефлексивное отношение к нему автора, через его индивидуальный опыт переживания событий Священной и мировой истории.

Другие важнейшие топосы Святой земли, присутствующие в путевой прозе Шатобриана, это Голгофа, храм Гроба Господня, гробница Рахили, храм Рождества в Вифлееме, Мертвое море, Иордан. При их описании автор часто использует два параллельных нарратива: один из них связан с его личными впечатлениями, другой – с цитатами из Евангелия. Так, например, рассказ о посещении храма Рождества в Вифлееме сопровождается цитатами из Евангелия от Луки о рождении Богомладенца (2: 4–7) и из Евангелия от Матфея о поклонении волхвов (2: 1–3; 9–12). Так создается особая «священная топография», формирующаяся в текстах о «земле обетованной». Можно сказать, что в путевых записках Шатобриана в той части, где описывается посещение Иерусалима, художественной доминантой выступают образы Святой земли, Священной истории, события крестовых походов, размышления о месте религиозного начала в жизни человека [19. С. 128].

Обращение к религиозным экфрасисам также воспринимается как характерная черта травелогов, связанных с посещением святых мест. Например, описывая подземную церковь в храме Рождества, автор отмечает, что она «украшена картинами италийских и испанских школ. Картины сии изображают таинства сих мест, Богородицу и Младенца, с Рафаэлевых списанные, Благовещение, поклонение Волхвов, пришествие Пастырей и все чудеса сии, смешанные с величием и невинностию» [16. Ч. 2. С. 156].

Еще одна особенность при изображении Святой земли заключается в своеобразной синхронизации в сознании автора событий Священной истории и современной жизни народов, населяющих Палестину. Например, говоря об арабе-христианине, живущем здесь, писатель отмечает, что тот, «покидая паству верблюдов своих, приходит, как древние Вифлеемские Пастыри, поклоняться Царю Царей в Его яслях. Я видел сего жителя пустыни, причащающегося у престола Волхвов со умилением, набожностью и верою, не известному западным христианам» [16. Ч. 2. С. 157]. В этом отрывке сравнение современных арабов-пастухов с вифлеемскими пастырями, завершающееся противопоставлением восточных и западных христиан, позволяет писателю также активно использовать образы «чужой» культуры в своих записках. Сюда относится, в частности, рассказ о встрече с отцом Климентом, французом, живущим в монастыре в Вифлееме. На вопрос путешественника о том, не имеет ли он желания возвратиться во Францию или написать к родственникам, по-

следовал ответ: «Кто помнит еще обо мне во Франции? Знаю ли я, остались ли у меня еще братья и сестры? Я надеюсь, силою яслей Спасителя нашего, получить довольно крепости, чтоб умереть здесь, не докучая никому и не помышляя о земле, в которой я забыт». Отец Климент принужден был удалиться: присутствие мое возбудило в сердце его чувства, которые он старался утушить» [16. Ч. 2. С. 162]. Акцентированная здесь французская тема раскрывается через отношение к родине «чувствительного» монаха и «чувствительного» путешественника, который «ни разу не слышал на чужой стороне звука французского голоса без того, чтобы не быть тронутым» [16. Ч. 2. С. 161].

Путешествие как хроника жизни автора включает в себя упоминание и таких фактов его биографии, как пребывание в Северной Америке в 1791 г. и деятельность в качестве французского посланника в Риме в 1803 г. Так, например, описание Иордана сравнивается автором с великими реками Америки и Тибром, однако в отличие от них это «желтая река, которую трудно отличить по цвету от ее берегов» и которая напоминает «движущийся песок посреди неподвижности сего грунту» [16. Ч. 2. С. 190]. Вместе с тем Иордан соотносится в сознании писателя и со «знаменитой древностью», и с изящной поэзией, а также становится «местом чудес веры моей», воспринимаясь одновременно в мифологическом, литературном и автобиографическом контексте. В создании данного локального текста автор активно использует антитезу, противопоставляя, например, Иудею и Грецию, Священную историю, историю Древней Греции и современность, противопоставляя религию и культуру, человека онтологического и человека исторического: «Я недавно осматривал памятники Греции и преисполнен еще был их величия; но сколь вдохновенное мне ими чувство далеко было от того, которое ощущал я при виде Святых мест» [16. Ч. 2. С. 239].

Наконец, текст о Святой земле у французского писателя оказывается глубинно связан с процессами внутреннего самостроительства, представляя собой характерный геомифологический, культурный и одновременно психологический феномен: «Иудея одна есть страна на земли, воспоминающая путешествователю о делах человеческих и о вещах небесных и возрождающая в душе смешение сил, чувства и мысли, каковые никакое другое место внушить нам не может» [16. Ч. 2. С. 191]. Здесь образ Иудеи становится аналогом Земли-Слова, где не разделяются «дела человеческие» и «вещи небесные»,

аналогом духовно-материальной природы сакрального слова, через которое дух, душа и тело непрерывно воссоединяются и преображаются в человеке.

Отдельные фрагменты из этого путешествия были переведены В.А. Жуковским и опубликованы в журнале «Вестник Европы» в 1810 г., за год до того, как вышло полное издание этих записок на французском языке. Можно предположить, что при переводе русский поэт обращался к неустановленному нами источнику в одном из французских периодических изданий. В «Вестнике Европы» Жуковский напечатал три отрывка из путевых записок Шатобриана: «О нравах арабов (Отрывок из Шатобрианова путешествия по Востоку)» (№ 10. С. 160–164), «Путешествие Шатобриана в Грецию и Палестину» (№ 17. С. 18–47), «Отрывок из Шатобрианова путешествия в Грецию» (№ 22. С. 138–144). В них формируется русская рецепция французского текста о «земле обетованной», акцентируется внимание на «священной топографии», именах собственных и названиях животных, соединенных с текстами из Ветхого и Нового Завета. Так, например, описывая арабского коня и довольно суровые условия его содержания, автор говорит: «Но ты снимаешь с него оковы, бросаешься на его хребет – он пенится, дрожит, разбрасывает копытами землю! Труба зазвучала; он восклицает: «Вперед!». И ты узнаешь коня, которого изобразил тебе Иов» [20. С. 234]. Слова, выделенные в тексте курсивом, прочитываются как несколько измененная цитата из Книги Иова: «<...> в порыве и ярости он <конь > глотает землю и не может стоять при звуке трубы; при трубном звуке он издает голос: гу! гу! и издалека чует битву, громкие голоса вождей и крик» (39: 24–25). Изображая нравы арабов, путешественник и вслед за ним переводчик часто используют принцип синхронизации событий Священной истории и истории современной, сравнивая людей, живших «во дни Агари и Измаэля», с их нынешними потомками. Личный опыт Шатобриана-путешественника преломляется в этом отрывке через сравнение американских индейцев с арабами Ближнего Востока и Северной Америки, что позволяет автору выделить в качестве отдельной проблемы проблему мультикультурализма: «<...> в американце видим мы дикаря, еще не пришедшего в состояние образованности; в арабах, напротив, все представляет нам образованного человека, снова пришедшего в дикость» [20. С. 235]. Эта же проблема волнует и русского переводчика.

В тексте журнальной публикации важное место отводится метатекстуальным нарративам, связывающим реальное путешествие автора с его творческими замыслами и формирующим его эстетику жизнестроительства. В данном случае речь идет о работе над романом «Мученики, или Торжество христианства»: «<...> все то, что относится к обычаям народов новых, не входит в мое сочинение, ибо в нем изображаются одни времена древние и отдаленные; напротив, я должен был сберечь для поэмы своей все описания мест, городов и тому подобное» [20. С. 314]. Очень важно выделить в этом тексте и молитвенный дискурс, который воспринимается как выражение религиозной и эстетической позиции автора и переводчика и как сюжетообразующий лейтмотив всего произведения и трех переведенных отрывков: «<...> в одном месте смеялись, а в другом молились; при малейшем ветре матросы собирали паруса, а богомольцы восклицали: «*Иисус Христос!*»; в первый вечер по отплытии нашем два попа читали молитву, которую все слушали с великим благоговением, потом благословили корабль – и этот обряд возобновлялся после каждой бури; гостеприимные отцы прежде всего пошли со мною в церковь <...> в которой они отпели молебен за сохранение их путешествующего брата; «*Benedicite*» было прочитано после «*de profundis*» – священное воспоминание о смерти, которое христианство соединяет со всеми действиями жизни» [20. С. 316, 318].

Переводы Жуковским путевой прозы Шатобриана вписываются в контекст таких его произведений, как перевод повести Ж.Ж. Руссо «Левит Ефραίимский» (1806), стихотворение «Библия» (1814), «Библейские повести» (1817–1819) [18]. Одновременно с «Вестником Европы» отрывки из путешествия Шатобриана были напечатаны в «Журнале для сердца и ума» И.И. Шелехова в том же 1810 г. в переводе И. Решетова под названием «Исторический взгляд на новое состояние Иерусалима» (№ 3. С. 250–259); «Нравы греков, турков и аравитян» (№ 4. С. 52–57; № 5. С. 156–190) [21. С. 328, 329].

Как видим, текст о Святой земле в автобиографическом путешествии-хронике Шатобриана рождается на пересечении эстетизированного религиозного чувства с исторической и литературной рефлексией писателя. В этом тексте формируется особая «священная топография», связанная с описанием святых мест, соединенных с многочисленными цитатами из Ветхого и Нового Завета. Текст о «земле обетованной» в творчестве Шатобриана конструируется на основе сравнения его с другими текстами: «греческим», «египет-

ским», «испанским», «французским», «североамериканским» – и воспринимается как образ Земли-Слова. В русской рецепции описания святых мест французским автором важное место отводится молитвенному дискурсу и эстетике жизнестроительства.

Среди рукописных травелогов в собрании барона А.С. Строганова находится дневник его матери, баронессы Н.М. Строгановой, урожденной княжны Белосельской. Он написан на французском языке и посвящен рассказу о ее путешествии по странам Западной Европы (Германия, Франция, Англия) в 1780–1782 гг.

Впервые об этом дневнике широкой читательской аудитории становится известно в 1914 г. из публикации в журнале «Русский библиофил» библиотекаря Главной библиотеки Императорского Томского университета Александра Ивановича Милютин (1765–1930?) (см. о нем в работах [22, 23]). В статье под названием «Библиотека гр. Строганова в Томском университете», сообщая сведения о ценных рукописных материалах, хранящихся в Томске, Милютин упоминает и о дневнике баронессы Строгановой. Он пишет: «Имеется несколько интересных рукописей, преимущественно семейных альбомов, в которых встречается много любопытных сведений исторического и бытового характера». В специальном примечании к этому фрагменту статьи автор сообщает о том, что «в следующем № Р<усского> Б<иблюфила> будет помещено извлечение из одного такого альбома, содержащее записки баронессы Строгановой, под названием: «Pour mes soeures» 1780–1782 г.» [24. С. 9].

В № 4 «Русского библиофила» Милютин опубликовал свой перевод достаточно большого фрагмента из дневника баронессы Строгановой. В нем описывается путешествие по Германии и Франции Н.М. Строгановой вместе с сыном Александром и семьей ее кузины, графини Дарьи Петровны Салтыковой (1739–1802)¹ с мужем генералом, графом Иваном Петровичем Салтыковым (1730–1805) и двумя их дочерьми: Прасковьей (1772–1859) и Екатериной (1776–1815). Перевод же всего дневника с французского языка на русский ведется в настоящее время сотрудниками Научной библиотеки и преподавателями Томского университета.

Центральное место в этом дневнике-путешествии занимает образ семьи. Он формируется через особую коммуникативную ситуацию,

¹ Портретная миниатюра неизвестного художника конца 1760 – начала 1770-х гг., изображающая баронессу Н.М. Строганову и графиню Д.П. Салтыкову, представлена в кн. [25. С. 23].

в которой автором и адресатом текста оказываются родные сестры. «Для сестер моих» – такое посвящение помещает Н.М. Строганова в начале своего журнала. Здесь речь идет о ее родных сестрах Елизавете Михайловне (1742–1807), фрейлине, жене вице-адмирала, барона И.И. Черкасова (1735–1811) и Евдокии Михайловне (1748–1824), фрейлине, жене В.П. Салтыкова (1753–1807). В преамбуле к путешествию автор говорит о том, что она «предприняла его на два года с компанией, состоящей из 9 лиц», в которую входили граф Салтыков, его жена, две их дочери и их гувернантка, врач, девятилетний сын М.С. Строгановой с его гувернером и «необходимая прислуга» [13. С. 26].

Семейный дискурс представлен в дневнике прежде всего через многочисленные описания бытовых подробностей путешествия, как, например, совместная постановка небольшой комедии на почтовой станции с целью «позабавить наших детей и заставить их играть во время пути» или посещение православной церкви в Риге: «21 <июня 1780 г.> мы были за русскою обеднею, церковь прекрасная, и пение было, елико возможно, хорошо». Эмоциональная жизнь автора дневника также во многом определяется внутрисемейными отношениями. В этом смысле показательно самое начало журнала, в котором сообщается о выезде из Санкт-Петербурга в четверг, 11 июня 1780 г. и о том, что все путешественники были печальны «по причине разлуки с близкими, особенно я, имеющая очень нежный нрав, была до того опечалена, что совсем не знала, как удержать слезы; я первый раз в жизни и на такой долгий срок покинула моих сестер и ничем не могла бы утешиться, если бы подле меня не было моей лучшей подруги г. С<алтыковой >»; или запись от 29 июня, в которой Н.М. Строганова отмечает: «<...> я была очень печальна по причине различных мыслей, которыми я обменялась с дорогой моей подругой, которую люблю от всего сердца». Кроме того, постоянным эмоциональным фоном путешествия становится упоминание о здоровье сына и самих путешественников, как это представлено, например, во фрагменте от 5/16 июля из Кенигсберга: «Мой сын жалуется на флюс, беспокоящий меня причиняемым ему страданием; у самой меня также болит голова, что меня приводит в дурное расположение духа. Г. С<алтыков> также жалуется на нездоровье <...> Таким образом вся наша компания как бы усыплена, и я от этого очень скучаю» [13. С. 27, 26, 28].

Описание чувств автором дневника позволяет его исследователям воссоздать эмоциональную историю жизни одной из семей рус-

ской аристократии конца XVIII в. Восприятие семьи как «малого» дома передается здесь через естественное сопряжение близких, но не тождественных друг друга «Я» (сестер, кузины-подруги) с «Я» автора. Основой соединения отдельных «Я» в высшем «Я-семьи» становится совместное переживание всеми путешествующими чувств печали, сострадания, скуки, радости, эстетического наслаждения картинами природы и произведениями искусства. В этой связи важно отметить, что наметившийся в последние десятилетия научный интерес к изучению истории эмоций в литературе и культуре позволяет воссоздать целостный образ «внутреннего человека» той или иной эпохи, выявить значимую для него систему ценностей: идеологическую, нравственную, эстетическую, мотивировать его бытовое и литературное поведение, реконструировать круг его чтения и общения, раскрыть потенциал его «сердечного воображения» [26].

Образ семьи как «малого» дома дополняется в этом путешествии его исторической проекцией – упоминанием о представителях рода князей Белосельских и графов Чернышевых, к которым принадлежали родители Н.М. Строгановой. Образ семьи как оживающей памяти рода раскрывается здесь, в частности, через сообщение о дяде Н.М. Строгановой, генерале Захаре Григорьевиче Чернышеве (1722–1784), попавшем в плен в городе Кюстрине во время Семилетней войны (1756–1763): «25-го <июля 1780 г. > мы обедали в городе Кюстрине. Он очень красив, и все здания в нем новые. Но при проезде мое сердце обливалось кровью при воспоминании, что в 1758 году, в битве при Цорендорфе, мой дядя, Захарий Чернышев, имел несчастье быть взятым в плен» [13. С. 29]. Описываемое здесь воспоминание прочитывается в эстетике «нового историзма», оно передает характер «исторического вчувствования», раскрывающего родовую и национальную идентичность автора журнала.

Сюда же относится и описание дачи близ Дрездена покойного старшего брата баронессы Н.М. Строгановой Андрея Михайловича Белосельского (1735–1776), русского посланника в Саксонии в 1766–1776 гг.: «Она в большом запущении, так что трудно себе представить, что она была некогда хорошей. Дорога, которая к ней ведет, местами окаймлена крупными скалами, местами же открываются виды самые веселые, так что можно сказать, что природа нахмуривает брови с одной стороны и улыбается с другой» [13. С. 31]. Элегически-символическая образность и тональность этого фрагмента передают особенности эмоционального восприятия путешественни-

цы, семейное чувство которой соотносится с природным и религиозным началом, с историей княжеского рода Белосельских, а также с политической историей России и Западной Европы второй половины XVIII в.

Семья как родовой дом, как родовое гнездо и одновременно как «открытый» дом, ассоциирующийся с живым присутствием России и русских в политической и культурной жизни стран Западной Европы 1780-х гг., передается автором дневника, в частности, через описание ее встречи в Дрездене с младшим братом Александром Михайловичем Белосельским (1752–1810), сменившим своего умершего старшего брата А.М. Белосельского на посту русского посланника при Саксонском дворе, в будущем отца известной писательницы Зинаиды Александровны Волконской (1789–1862): «8-го <августа 1780 г.> мы прибыли в Дрезден в два часа ночи. При моем пробуждении мой брат, который посланником при этом дворе, пришел к нам. Это свидание доставило мне сладостное ощущение; это в первый раз, что я его испытываю со дня отъезда из России, я его люблю всем сердцем этого дорогого брата!» [13. С. 30]. Как пишет современная исследовательница, А.М. Белосельский, этот «дворянин-философ», автор известного трактата «Дианиология, или Философская схема познания», «принадлежал равным образом и российской, и европейской культуре. Соединяя в себе эти культуры, он занимал особое место в деле просвещения, обеспечивая культурное единство России и Запада» [27. С. 46].

Также в тексте дневника присутствуют многочисленные фрагменты, посвященные жизни русской аристократии за границей. Описание встреч баронессы с русскими в Германии и Франции раскрывает круг ее общения и сферу культурных интересов, передает ее коммуникативную открытость и переживание чувства своей национальной идентичности. Так, например, в дневнике подробно рассказывается о ее знакомстве с семьей русского дипломата в Кенигсберге графа Генриха Христиана фон Кейзерлинга (1727–1787) и его женой Каролиной (1727–1791), в доме которых неоднократно бывал Иммануил Кант: «3/14 июля 1780» мы обедали на станции Бендизен, где мы встретили г-на Кейзерлинга с супругой, двумя племянницами и их мужьями, которые все пришли к г<рафу> С<алтыкову> с визитом, так как это было старое знакомство, но я лично видела их в первый раз»; «5/16 <июля> мы <...> посетили дом графа Кейзерлинга, который мне очень понравился; там значительное количество порт-

ретов и картин, нарисованных хозяйкою, замечательно хороших; сад также прелестный, там гроты и портреты, сделанные из раковин, которые мне очень понравились и возбудили желание научиться делать их» [13. С. 27, 28]. Заслуживает внимания и рассказ о встрече в Спа с находящимися там на лечении русскими: «28-го <августа 1780> мы приехали в Спа к 7-ми часам вечера. <...> 29-го утром княгиня Орлова и mademoiselle Протасова, наши соотечественницы, прибыли к нам, выказали много приязни, и я была в восторге их видеть. Mademoiselle Каменская пришла также, и княгиня пригласила нас завтракать на вокзале к 11-ти часам» [13. С. 33]. Здесь речь идет, по-видимому, о княгине Екатерине Николаевне Орловой (1758–1781), жене фаворита Екатерины II князя Григория Григорьевича Орлова (1734–1783), фрейлине Анне Степановне Протасовой (1745–1826) и об одной из сестер фельдмаршала, графа Михаила Федотовича Каменского (1738–1809) Марии Федотовне (1730–1794) или Пелагее Федотовне (1747–?), жившей в доме Е.Р. Дашковой.

Образ семьи как «большого» дома раскрывается в дневнике через описание встреч с представителями правящих королевских династий Европы. В их числе королева Пруссии Елизавета Кристина Брауншвейгская (1715–1797), жена короля Пруссии Фридриха Великого (1712–1786); Вильгельмина Гессен-Кассельская (1726–1808), принцесса Прусская, и ее муж Фридрих Генрих Людвиг Прусский (1726–1802), брат Фридриха Великого, неоднократно бывавший в России с дипломатическими поручениями; Фридрих Вильгельм Брауншвейгский (1744–1797), племянник Фридриха Великого, с 1786 г. король Пруссии, и его дочь, принцесса Фредерика Шарлотта (1767–1820); Август Фердинанд (1730–1813), принц Прусский, младший брат Фридриха Великого, и его жена Анна Елизавета Луиза Бранденбург-Шведская (1738–1820), принцесса Прусская. Это знакомство состоялось благодаря графу Виктору Фридриху Сольмс-Зонненвальдскому (1730–1783), прусскому посланнику в России в 1760–1770-х гг., и его жене: « 30-го < июля 1770 г. > после обеда графиня Сальмос заехала за нами, чтобы отвезти нас в Шенгаузен для представления Королеве, которая нас прекрасно приняла, точно так же, как и супруга принца Генриха, показавшаяся мне очень любезной. Была еще принцесса Фредерика, которой мы были представлены. Очень прелестный ребенок. Я познакомилась также с принцем Фридрихом Брауншвейгским, который очень разговорчив. Там мы и ужинали. Прусский двор совершенно не похож на наш» [13. С. 29–30].

Среди других царствующих фамилий в дневнике баронессы Н.М. Строгановой упоминаются шведский король Густав III (1746–1792), путешествующий под именем графа Гаагского, с которым она познакомилась в Спа в августе 1780 г., и королева Франции Мария-Антуанетта (1755–1793): «25-го <марта 1781 г. >. Этот день был мне очень удачен. Я имела честь видеть все королевское семейство. <...> Королева <...> нас приняла с особой благосклонностью; она пошла навстречу моей кузине и с нею много разговаривала. Она нам предложила много любезных вопросов. Она нам показала свои бриллианты, которые очень хороши, как то ожерелье и цепочка от часов; все это было, как говорят, новое и доставляло ей большое удовольствие» [13. С. 38–39].

Важно отметить, что в дневнике также происходит конструирование образа семьи как единого дома европейских народов с их историей и культурой. Так, образ Германии представлен в этом путешествии как своего рода «страны-вернисажа». Здесь имеется в виду и сменяющаяся панорама немецких городов Кенигсберга, Берлина, Дрездена, Лейпцига, Дюссельдорфа, Аахена, через которые проезжали Н.М. Строганова и ее спутники, и пейзажные зарисовки, и упоминание картинных галерей в Берлине и Дрездене, и описание знаменитой коллекции саксонского, японского и китайского фарфора в Дрездене. Ср., например, запись от 8 августа 1780 г.: «Окрестности Дрездена более разнообразны и приятны, чем каких бы то ни было других городов, мною до сих пор виденных. Мы видели там картинную галерею, которая, как говорят, представляет из себя коллекцию самую живописную и большую, которая только существует в Европе. Я вспоминаю только Рождество Христово – Корреджио, Святую Деву и Св. Георгия того же мастера, Суд Париса V-esse В-а и одну пастель, изображающую служанку, несущую шоколад, работы Кавалера Менга, величайшего художника нашего века» [13. С. 30–31].

Здесь речь идет о двух известных картинах А. Корреджо «Рождество Христово» и «Мадонна со святым Георгием». Полотно же «Суд Париса», находившееся ранее, по-видимому, в старом здании этой «Флоренции-на-Эльбе», принадлежало немецкому художнику-неоклассицисту А.Р. Менгсу (1728–1779). Автором же «Шоколадницы», создателем которой баронесса Строганова ошибочно называет Менгса, является, как известно, швейцарский художник Ж.Э. Лиотар (1702–1789).

Французские же впечатления Н.М. Строгановой связаны в основном с Парижем. Париж описывается в ее дневнике как «город-мир»: «Все меня удивляет и восхищает. Этот город кажется мне целым миром» [13. С. 35]. Восприятие Парижа как «города-мира» включает в себя посещение французских театров с упоминанием опер «Андромаха» А.Э.М. Гретри (1741–1813) и «Ифигения в Тавриде» Н. Пиччинни (1728–1800); знакомство с современными французскими художниками, среди которых Ж.Б. Грез (1725–1805) и Ж.Б.П. Лебрен (1748–1813); общение с семьями высшей аристократии, в числе которых министр финансов Франции Ж. Неккер (1732–1804) и его жена, представители дипломатического корпуса: испанский посол граф П.А. Аранда (1718–1798), шведский дипломат и поэт Г.Ф. Крёйц (1731–1785), австрийский посланник в Санкт-Петербурге и Париже, доверенное лицо Марии-Антуанетты. Ф. де Мерси-Арджанто (1727–1794). Также восприятие Парижа включает и посещение Дома Инвалидов, библиотеки аббатства Св. Женевьевы («20 марта <1781 г.> мы были в библиотеке Аббатства св. Женевьевы. Она очень красива. Корабль церкви в форме креста прекрасен. Там есть также кабинет естественной истории и античных монет очень редких и любопытных»), картинной галереи герцога Орлеанского в Пале-Рояле, подаренной Людовиком XIV своему брату Филиппу II (1674–1723), и модных парижских магазинов. Сюда же можно отнести и присутствие автора дневника 26 января 1781 г. во Французской академии на чтении аббатом Ж. Делилем его поэмы «Сады», и посещение праздника Сретения Господня 2 февраля, и завтрак 15 марта у аббата Г.Т.Ф. Рейналя (1713–1796), автора «Истории обеих Индий», и частое общение с русскими в Париже, в числе которых были княгиня Е.Р. Дашкова (1743–1810) и графиня Е.П. Шувалова (1743–1816), родная сестра И.П. Салтыкова, с семьей которого путешествовала баронесса Н.М. Строганова. О Е.П. Шуваловой автор дневника пишет: «Графиня Шувалова так любезна, так добра и так полна внимания к нам, что только и ищет случая доставлять мне возможность завязывать знакомства и заставить меня быть в духе, так как по моей природе я обладаю характером очень застенчивым» [13. С. 35].

Заслуживает внимания тот факт, что в семейном дневнике Белосельских-Строгановых, который велся на русском языке членами этой семьи в период с 1724 по 1815 г., это заграничное путешествие занимает всего несколько строк: «В 1780 году 11 июля выехали ис

Петербурха в чужие края на два года Г<граф> Иван Петрович Салтыков з женой, з двумя дочерми, а я с сыном. 26 июля приехали мы в Берлин. <...> Остановились в Брюселе и приехали в Париж 8 октября. В Париже жили очень весело. <...> Ездили в Лондон на 3 месяца. 1782 году апреля 13 выехали ис Парижа. Приехали в Росию 25 июня того же году» [28. С. 75–76].

Итак, рукописный дневник Н.М. Строгановой как тип семейного дневника-путешествия предполагает рассмотрение самого образа семьи в разных контекстах: семьи как «малого» дома, семьи как родового дома, семьи как «большого» дома европейских монархов, семьи как единства русской и западноевропейской культуры. Особая роль в конструировании образа семьи в дневнике также отводится кругу чтения баронессы Н.М. Строгановой и ее личной библиотеке. В ней особое место занимают нравоучительные и воспитательные книги на французском языке, вышедшие в период с 1711 по 1787 г. и изданные в Париже, Гааге, Амстердаме, Женеве. В их числе собрание сочинений маркизы де Ламбер (1647–1733), «Моральные и критические письма» маркиза д'Аржана (1704–1771), «Письма к сыну» Честерфилда (1694–1773) и др. [3]. В настоящее время изучение рукописного наследия баронессы Н.М. Строгановой и книг из ее личной библиотеки позволяет воссоздать образ жизни, внутрисемейные отношения, круг общения и культурные интересы русской аристократии конца XVIII – первой половины XIX в.

Литература

1. Купцов И.В. Род Строгановых. Челябинск: ТО «Каменный пояс», 2005. 224 с.
2. *Catalogue des livres de la Bibliothèque de Monsieur le baron Al. Stroganoff.* SPb., 1814. 148 с. Рукопись.
3. Крупцева О.В. Книги баронессы Н.М. Строгановой в фонде библиотеки Томского государственного университета: Проблемы выявления и изучения // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 2 (14). С. 86–92.
4. Barbier A.A. Dictionnaire des ouvrages anonymes. Paris, 1879. Т. 4. 310 p.
5. Сводный каталог русской книги. 1801–1825. М.: Пашков дом, 2000. 584 с. (№ 449).
6. *Barthelemy l'Abbé. Voyage en Italy.* A Paris: chez F. Buisson, 1802. 487 p.
7. *Бартелеми, аббат.* Путешествие в Италию: в 2 ч. М., 1803. Ч. 1–2. 460 с.
8. *Немировский А.И.* Нить Ариадны: В лабиринтах археологии. М.: Вече, 2002. 432 с.
9. *Choiseul, E.F. Mémoires:* in 2 v. A Paris: chez Buisson, 1790. Vol. 1. 271 p. Vol. 2. 279 p.

10. *Путешествие* аббата Бартеlemi в Италии / пер. Н.М. Карамзина // *Вестн. Европы*. 1802. Ч. 3, № 10. С. 103–119.
11. *Бредихина Н.В.* «Любопытный скиф» Н.М. Карамзина и А.С. Пушкина в знаковой и образной моделях интерпретации исторической действительности // *Культура и текст*. 2005. № 8. С. 110–116.
12. *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1987. 718 с.
13. *Милютин А.И.* Библиотека гр. Строганова в Томском университете // *Русский библиофил*. 1914. № 4. С. 26–40.
14. *Азадовский М.К.* Из материалов «Строгановской Академии»: Неопубликованные произведения Ксавье де Местра и Зинаиды Волконской // *Литературное наследство*. М.: Изд-во АН СССР, 1939. Т. 33–34. С. 195–214.
15. *Chateaubriand F.R.* Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris: in 3 v. A Paris: le Normant, 1811.
16. *Шатобриан Ф.Р.* Путевые записки из Парижа в Иерусалим и из Иерусалима в Париж, в первом пути чрез Грецию, а в возвратном чрез Египет, Варварские земли и Гишпанию: в 3 ч. М., 1815–1816.
17. *Шатобриан Ф.Р.* Путешествие из Парижа в Иерусалим через Грецию и обратно из Иерусалима в Париж через Египет, Варварию и Испанию: в 3 ч. СПб., 1815–1817.
18. *Айзикова И.А.* Образ Палестины в творчестве В.А. Жуковского. Статья первая // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2015. № 5 (37). С. 124–144.
19. *Александрова-Осокина О.Н.* Своеобразие религиозно-поэтического мировосприятия в очерке Д.В. Дашкова «Русские поклонники в Иерусалиме» // *Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке*. 2012. № 4. С. 127–131.
20. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2014. Т. 10: Проза 1807–1811 гг. Кн. 2. 832 с.
21. *Сводный каталог сериальных изданий России (1801–1825)*. СПб.: Изд-во Рос. национальной библиотеки, 2000. Т. 2. 853 с.
22. *Шабурова О.Г.* «Имеющие светоч – передавайте его друг другу». Александр Иванович Милютин // *Научная библиотека в системе университета: сб. ст.* Томск, 2011. С. 105–107.
23. *Поплавская И.А.* А.И. Милютин как исследователь книжного собрания Строгановых в Научной библиотеке Томского государственного университета // *Вестн. Том. гос. ун-та. Филология*. 2014. № 5 (31). С. 92–104.
24. *Милютин А.И.* Библиотека гр. Строганова в Томском университете // *Русский библиофил*. 1914. № 2. С. 5–24.
25. *Государственная Третьяковская галерея: каталог собрания. Живопись XVIII – XX веков*. М.: Красная площадь, 1997. Т. 1: Портретная миниатюра XVIII – начала XX века. 264 с.
26. *Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст.* М.: Новое литературное обозрение, 2010.
27. *Артемьева Т.В.* Посланник Российской империи: Формирование дворянского интеллектуала // *Артемьева Т.В., Златопольская А.А., Микешин М.И., Тоси А. А.М.* Белосельский-Белозерский и его философское наследие. СПб.: С.-Петерб. центр истории идей, 2008. С. 40–53.
28. *Дневник Белосельских-Строгановых // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII-XX вв.* М.: Студия ТРИТЭ: Российский архив, 2005. Вып. 14. С. 71–90.

Poplavskaya Irina A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: poplavskaj@rambler.ru

PRINTED AND HANDWRITTEN TRAVELOGUES IN THE BOOK COLLECTION OF BARON A.S. STROGANOFF

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 15–39. DOI: 10.17223/24099554/6/1

Keywords: travelogue, local text, J.J. Barthélemy, F.R. de Chateaubriand, baroness N.M. Stroganov, book collection, baron A.S. Stroganov.

The research is supported by RHSF grant no. 15-14-70002 a(p) *Manuscript Heritage in the Book Collection of the Stroganovs*.

The article describes the printed and handwritten travelogues from the collection of Baron A.S. Stroganov, part of the Stroganovs' family book collection. The subject of the study are *Voyage en Italie*, an “academic” journey of Abbot J.J. Barthélemy, *Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris*, an autobiographical journey of F.R. de Chateaubriand, Baroness N.M. Stroganov's handwritten family diary-travelogue in French on her stay in the countries of Western Europe in 1780–1782.

The author proves that the “academic” journey of Barthélemy forms the basic principles of the poetics of the “Italian” text in the French literature of the second half of the 18th century. The text is characterized by a double aestheticization of the depicted objects with a simultaneous description of their academic value, the construction of the author's own personality as a reflection of his “archaeological” and literary interests, the disclosure of the national worldview features of Italians in comparison with the French. Russian reception of the journey is projected on Barthélemy's novel *Voyage du jeune Anarcharsis en Grèce*, and is read as a palimpsest.

Chateaubriand's journey is considered as a basis of the formation of the local text of the Holy Land in the French literature of the early 19th century. The text is based on the author's personal impressions from the Holy City, on his religious and literary reflection, on the description of the “sacred topography”, including Jerusalem, Calvary, the Church of the Holy Sepulchre, the tomb of Rachel, the Church of the Nativity in Bethlehem, the Dead Sea, Jordan. Appeal to religious ekphrases, synchronization in the consciousness of the author of the events of Sacred History and of the modern life of peoples inhabiting Palestine is perceived as a feature of travelogues about visits to the holy places. Also, Chateaubriand's text about the Holy Land is deeply connected with his inner self-construction, representing a typical geomythological, cultural and psychological phenomenon.

From the handwritten travelogues of Baron A.S. Stroganov's collection, the diary of his mother, Baroness N.M. Stroganov, nee Princess Beloselsky, is analyzed. N.M. Stroganov's diary is written in French and describes the story of her journey through the countries of Western Europe (Germany, France, England) in 1780–1782. The diary as a type of a family diary-travelogue shows the family's image in different contexts: the family as a “small” home, as a family house, as a “large” house of European monarchs, as a unity of Russian and West European cultures. A special role in constructing the image of the family in the diary belongs to what Baroness N.M. Stroganov reads and to her personal book collection. The study of the manuscript heritage of Baroness N.M. Stroganov and of books from her personal collection gives an idea of the way of life, family relations, social circle and cultural interests of the Russian aristocracy of the late 18th – early 19th centuries.

References

1. Kuptsov, I.V. (2005) *Rod Stroganovykh* [The Stroganov family]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas.
2. Anon. (1814) *Catalogue des livres de la Bibliothèque de Monsieur le baron Al. Strogonoff* [Catalogue of the books of the Baron Al. Stroganov's Library]. St. Petersburg. Manuscript.
3. Kruptseva, O.V. (2014) Books of baroness N.M. Stroganov in the library of the Tomsk State University: problems identificational and study. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 2 (14), pp. 86–92. (In Russian).
4. Barbier, A.A. (1879) *Dictionnaire des ouvrages anonymes* [Dictionary of anonymous works]. Vol. 4. Paris: [s.n.].
5. Polonskaya, I.M. (ed.) (2000) *Svodnyy katalog russkoy knigi. 1801–1825* [Summary catalog of Russian books. 1801–1825]. Moscow: Pashkov dom.
6. Barthélemy, l'Abbé. (1802) *Voyage en Italie* [Travel to Italy]. Paris: chez F. Buisson.
7. Barthélemy, Abbot. (1803) *Puteshestvie v Italiyu: v 2 t.* [Travel to Italy: in 2 vols] Vols 1–2. Moscow: V vol'noy tipografii, Gariya i kompanii.
8. Nemirowskiy, A.I. (2002) *Nit' Ariadny. V labirintakh arkhologii* [Ariadne's thread. In the labyrinths of archeology] Moscow: Veche.
9. Choiseul, E.F. (1790) *Mémoires: in 2 v.* [Memories: in 2 vols]. Paris: chez Buisson.
10. Barthélemy, Abbot. (1802) *Puteshestvie abbata Bartelemi v Italii* [Travel of Abbot Barthélemy in Italy]. Translated from French by N.M. Karamzin. *Vesnik Evropy – Herald of Europe*. 3:10. pp. 103–119.
11. Bredikhina, N.V. (2005) “Lyubopytnyy skif” N.M. Karamzina i A.S. Pushkina v znakovoy i obraznoy modelyakh interpretatsii istoricheskoy deystvitel'nosti [“A Curious Scythian” by N.M. Karamzin and A.S. Pushkin in the sign and figurative models of interpretation of historical reality]. *Kul'tura i tekst*. 8. pp. 110–116.
12. Karamzin, N.M. (1987) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian traveler]. Leningrad: Nauka.
13. Milyutin, A.I. (1914) *Biblioteka gr. Stroganova v Tomskom universitete* [Count Stroganov's Library at Tomsk State University]. *Russkiy bibliofil*. 4. pp. 26–40.
14. Azadovskiy, M.K. (1939) *Iz materialov “Stroganovskoy Akademii”*. Neopublikovannyye proizvedeniya Ksav'e de Mestra i Zinaidy Volkonskoy [From the materials of the Stroganov Academy. Unpublished works of Xavier de Maistre and Zinaida Volkonskaya]. In: *Literaturnoe nasledstvo* [Literary Heritage]. Vols 33–34. Moscow: USSR AS.
15. Chateaubriand, F.R. (1811) *Itinéraire de Paris à Jérusalem et de Jérusalem à Paris: in 3 v.* [Itinerary from Paris to Jerusalem and from Jerusalem to Paris: in 3 vols]. Paris: le Normant.
16. Chateaubriand, F.R. (1815–1816) *Putevye zapiski iz Parizha v Ierusalim i iz Ierusalima v Parizh, v pervom puti chrez Gretsiyu, a v vozvratnom chrez Egipet, Varvarskie zemli i Gishpaniyu: V 3 ch.* [Travel notes from Paris to Jerusalem and from Jerusalem to Paris, in the first trip through Greece, and in the return through Egypt, barbarian lands and Spain: In 3 vols]. Moscow: [s.n.].
17. Chateaubriand, F.R. (1815) *Puteshestvie iz Parizha v Ierusalim cherez Gretsiyu i obratno iz Ierusalima v Parizh cherez Egipet, Varvariuyu i Ispaniyu: V 3 ch.* [A journey from Paris to Jerusalem, through Greece and back again from Jerusalem to Paris, through Egypt, Barbaria and Spain: in 3 vols]. St. Petersburg : Meditsinskaya tipografiya.

18. Ayzikova, I.A. (2015) The image of Palestine in the works of V.A. Zhukovsky. Article I. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 124–144. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/10
19. Aleksandrova-Osokina, O.N. (2012) Special features of religious and poetic mentality in the essay “Russian pilgrims in Jerusalem” by D.V. Dashkov. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoy Sibiri i na Dal'nem Vostoke – Humanities Research in the Russian Far East*. 4. pp. 127–131. (In Russian).
20. Zhukovsky, V.A. (2014) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t.* [Complete works and letters: in 20 vols]. Vol. 10. Book 2. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury.
21. Sokolinskiy, E.K. (ed.) (2000) *Svodnyy katalog serial'nykh izdaniy Rossii (1801–1825)* [Summary catalog of Russian serial publications (1801–1825)]. Vol. 2. St. Petersburg: Russian National Library.
22. Shaburova, O.G. (2011) “Imeyushchie svetoch – peredavayte ego drug drugu”. Aleksandr Ivanovich Milyutin [“Those having a torch – pass it to each other”. Alexander Ivanovich Milyutin]. In: Erokhina, G.S. (ed.) *Nauchnaya biblioteka v sisteme universiteta* [Research library in the university system]. Tomsk: Tomsk State University.
23. Poplavskaya, I.A. (2014) A.I. Milutin as a researcher of the Stroganovs' book collection in the Research Library of the University of Tomsk. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (31). pp. 92–104. (In Russian).
24. Milyutin, A.I. (1914) *Biblioteka gr. Stroganova v Tomskom universitete* [Count Stroganov's Library at Tomsk State University]. *Russkiy bibliofil*. 2. pp. 5–24.
25. State Tretyakov Gallery. (1997) *Gosudarstvennaya Tretyakovskaya galereya. Katalog sobraniya. Zhivopis' XVIII – XX vekov* [The State Tretyakov Gallery. Collection Catalogue. Painting of the 18th – 20th centuries]. Vol. 1. Moscow: Krasnaya ploshchad'.
26. Plamper, J. (ed.) (2010) *Rossiyskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoy istorii emotsiy* [Russian Empire of senses: Approaches to the cultural history of emotions]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
27. Artem'eva, T.V. (2008) Poslannik Rossiyskoy imperii. Formirovanie dvoryanskogo intellektuala [The Messenger of the Russian Empire. The formation of a noble intellectual]. In: Artem'eva, T.V. et al. *A.M. Belosel'skiy-Belozerskiy i ego filosofskoe nasledie* [A.M. Beloselsky-Belozersky and his philosophical heritage]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskiy tsentr istorii idey.
28. Belosel'skiy, M.A., Belosel'skaya, N.G. & Belosel'skaya, N.M. (2005) Dnevnik Belosel'skikh-Stroganovykh [Diary of the Beloselsky-Stroganovs]. In: *Rossiyskiy arkhiv: Istoriya otechestva v svidetel'stvakh i dokumentakh XVIII-XX vv.* [Russian Archive: History of the Homeland in the testimonies and documents of the 18th–20th centuries]. 14. Moscow: Studiya TRITE; Rossiyskiy arkhiv. pp. 71–90.